

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителей</i>	6
Свидетельница поэзии (П. Нерлер)	9
Воспоминания	79
Об Ахматовой	583
Моцарт и Сальери	783
Установка на чистую форму	838
Стихи Мандельштама для детей	841
Мандельштам в Армении	843
Мое завещание	847
Список сокращений	856
Список цитированных источников	858

От составителей

В настоящее двухтомное собрание сочинений Н.Я. Мандельштам входят ее воспоминания, эссе, статьи и заметки, в том числе и фрагментарные. В него не включены автореферат ее диссертации, очерки, публиковавшиеся под псевдонимом «Н. Яковлева» в альманахе «Тарусские страницы» (Калуга, 1961), интервью и обширная — и все еще не собранная воедино — переписка.

Основой собрания являются три крупных мемуарных текста — «Воспоминания», «Об Ахматовой» и «Вторая книга», работа над которыми происходила поочередно и последовательно, соответственно в 1958–1965, 1966–1967 и 1967–1970 гг., причем текст «Об Ахматовой» является, по сути, первой редакцией «Второй книги».

Книги «Воспоминания» и «Об Ахматовой» составляют основу первого тома собрания, а «Вторая книга» — основу второго, остальной материал каждого из томов расположен хронологически.

По сравнению с предыдущими изданиями в тексты книг внесены существенные изменения, основанные на учете всех выявленных к настоящему времени источников.

Выборочная дополнительная разбивка текста на абзацы, выделение оборотов прямой речи, поправки в пунктуации и исправление очевидных опечаток даются без особых оговорок. Сохранены некоторые особенности авторской орфографии. Авторские выделения (подчеркивания) текста даются курсивом. Конъектуры приводятся в угловых скобках.

При комментировании указываются источники текста и сведения о первых публикациях, раскрываются или уточняются исторические или биографические реалии. Многочисленные цитаты (часто по памяти) из произведений О. Мандельштама, А. Ахматовой и других авторов раскрываются выборочно, лишь в тех случаях, когда поиск их источников может вызвать опре-

деленные затруднения. Неточности в цитировании не исправляются, но иногда оговариваются. В отдельных случаях, для более объективной и разносторонней характеристики упоминаемых лиц и событий, приводятся свидетельства и оценки, не совпадающие с авторскими.

В оформлении использованы материалы из Городского музея Амстердама; ГЛМ (Москва); Мандельштамовского общества (Москва); Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (Санкт-Петербург); Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург); РГАЛИ (Москва), Фейерстоунской библиотеки Принстонского университета (Принстон, США); Центрального архива ФСБ РФ (Москва), архива Чувашского государственного университета (Чебоксары), а также частных собраний А.Ж. Аренса, Н.В. Гординой, М.Б. Горнунга, С.И. Ивич-Богатыревой, А.М. Ласкина, Е.Б. Муриной, П.М. Нерлера, А.А. Попова, Ю.Л. Фрейдина и В.В. Шкловской-Корди.

Составители считают своим приятным долгом сердечно поблагодарить всех, кто помог при подготовке настоящего издания.

Прежде всего благодарим тех, кто предоставил для этого издания необходимые текстологические источники и иллюстративные материалы: это Файерстоунская библиотека Принстонского университета и РГАЛИ, а также Е.Э. Бабаева, Н.В. Гордина, Т.С. Птушкина, Н.А. Струве, Г.Г. Суперфин, П. Тroupин, В.В. Шкловская-Корди и Н.Е. Шкловский-Корди.

Слова признательности и тем, кто помог нам с информацией, необходимой для комментирования: это В.И. Битюцкий, Н.А. Богомолов, К. Браун, С.М. Волошина, Н.А. Громова, Ю.М. Живова, В.В. Золотухин, С.И. Ивич-Богатырева, Л.Ф. Кацис, Е.Л. Куранда, А.В. Наумов, Д.М. Нечепорук, Т.Ф. Нешумова, П.Е. Поберезкина, А.П. Рассадин, Ф.И. Рожанский, М.Г. Сальман, Р.Д. Тименчик, Л.С. Флейшман, Б.Я. Фрезинский и С.Г. Шиндин, а также тем, кто оказал техническую помощь в подготовке книги: это Л.Б. Брусилловская, А.Д. Дунаевский, В.Б. Литвинов, А.В. Миронова, Н.Л. Поболь и Т.Л. Тимакова.

С.В. Василенко, П.М. Нерлер, Ю.Л. Фрейдин

*Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ больше ротый мой...*

О. Мандельштам

Милый, милый, как соскучилась...

Н. Мандельштам

*Вы, Наденька, очень умная женщина
и очень глупая девчонка...*

С. Клычков

СВИДЕТЕЛЬНИЦА ПОЭЗИИ

Очерк жизни и творчества
Надежды Яковлевны Мандельштам

Наденька Хазина родилась 18/30 октября
1899 года в Саратове...
Надежда Яковлевна Мандельштам умерла
29 декабря 1980 года в Москве...
Долгая, отчаянно трудная и неслыханно
счастливая жизнь!..

I

ПЕРЕЖИТОЕ

Саратов и Киев. Семья

...Родилась Надя Хазина в купеческо-губернском Саратове, последним ребенком в семье. Квартировали в доме Жаркова, что на Большой Воздвиженской, недалеко от реки, а когда дети подросли, то переехали немного повыше, на Малую Казачью¹.

...Отец, Яков Аркадьевич Хазин, высокий, прямой и кареглазый, носил сюртуки одинакового покроя и звал свою пепельноволосую младшую дочку почему-то «рыжиком», возможно, потому, что в младенчестве у нее были рыжие волосы. Сын кантониста и убежденный атеист, он, под влиянием семейной кухарки Дарьи (она же нянька Н.М., водившая ее по храмам), исправно соблюдал православные посты. Из двух своих дипломов Санкт-Петербургского университета — математического и юридического — больше любил первый, но для жизненного

употребления выбрал второй — за то, что лучше кормил. И не ошибся: молодой и блестящий юрист, присяжный поверенный и адвокат, он неплохо зарабатывал.

В 1902 году, когда в провинциальном Саратове на Волге ему стало тесно, он со всем своим разросшимся семейством перебрался на Днепр — в Киев. От Саратова, а точнее от Волги, на всю жизнь осталась неодолимая кулинарная страсть к осетрине и еще своеобразная смесь барства с кротостью и скупостью (его любимая шутка: «У меня нет богатого отца»).

Яков Аркадьевич был человеком мягким и податливым, любил присесть на корточки и раздвинуть руки, чтобы сразу обнять всех вернувшихся с прогулки детей. У него, вспоминала дочь, «не было повелительных интонаций». Тем не менее перед ним «поджимали хвосты» ее будущие нахалы друзья — и поэты, и художники, и артисты с их подругами. Сам же он выделял в ее «табунке» братьев Маккавейских, Владимира и Николая, чей отец Николай Корнильевич Маккавейский, знаток топографии Страстей Христовых, преподавал на кафедре пастырского богословия и педагогики Киевской духовной академии.

С зятем Яков Аркадьевич был ровен и дружен, а тот любил послушать его рассказы, а весной 1929-го даже собирался написать по их канве четырехлистную повесть «Фагот»: «В основу повествования положена “семейная хроника”. Отправная точка — Киев эпохи убийства Столыпина. Присяжный поверенный, ведущий дела крупных подрядчиков, его клиенты, мелкие сошки, темные люди — даны марионетками, — на крошечной площадке с чрезвычайно пестрым социальным составом героев разворачивается действие эпохи — специфический воздух “десятих годов”. Главный персонаж — оркестрант киевской оперы — “фагот”. До известной степени повторяется прием “Египетской марки”: показ эпохи сквозь “птичий глаз”. Отличие “Фагота” от “Египетской” марки — в его строгой документальности, — вплоть до использования кляузных деловых архивов. Второе действие — поиски утерянной неизвестной песенки Шуберта — позволяет дать в историческом плане музыкальную тему (Германия)»².

В конце жизни, бросив адвокатуру, ставшую в новых условиях не слишком практикабельной, он вновь переключился

на свою «первую любовь» — математику, всю жизнь оставшуюся его тайной и недостижимой мечтой³. Все приговаривал: «Больше шестнадцати часов в сутки я работать не могу»⁴.

Умер Яков Аркадьевич Хазин 8 февраля 1930 года⁵.

Младшая дочь унаследовала от отца роскошный математический лоб, а от матери — поразительно красивые пепельные волосы («седенькие») и чистую кожу. И от обоих — прекрасно подвешенный и очень острый язык.

...Вера Яковлевна Хазина числилась по иудейскому вероисповеданию. С мужем она, возможно, познакомилась еще в Петербурге, когда училась на врача на Высших женских медицинских курсах при Медико-хирургической академии, первых в России⁶. Но поженились они, — спасаясь, по-видимому, от давления собственных мишпух⁷, — во Франции⁸.

В голодный 1891 год ее как дипломированного врача посылали на помощь голодающим крестьянам Поволжья. Но после Саратова она уже не работала по специальности — следила за домом и разросшимся семейством. «Она была крошкой <...>, не доходила ему до плеча, а помещалась где-то под локтем. Оба они до революции были чересчур полные. У отца это не бросалось в глаза из-за роста, а мать казалась просто шариком. Она ездила за границу лечиться от полноты, но ничего не помогало, потому что ели мы порусски — обильный московский стол с селянками, пирогами, расстегаями»⁹.

21 мая 1934 года, ликвидировав комнату в Киеве и распродав мебель, Вера Яковлевна приехала в Москву — «доживать жизнь с зяtkом и дочкой, которые наконец-то обзавелись квартирой. Никто не встретил ее на вокзале, и она была злой и обиженной. Но все эти чувства испарились в тот миг, когда она узнала об аресте О.М. Тут в ней проснулась либеральная курсистка, знающая, как относиться к правительству и арестам»¹⁰.

Пока зять и декабристка-дочь отбывали сталинское «чудо о Манделштане» — высылку в Чердынь и ссылку в Воронеж, теща стерегла их квартиру в Нащокинском и подушку со стихами зятя. Когда О.М. арестовали, она оставалась

единственным представителем «семьи», прописанным в мандельштамовской квартире. Но была она только съемщицей в квартире зятя: кооператив как бы «сдал» ей одну из двух его комнат сроком на пять лет, начиная с 15 февраля 1939 года¹¹.

С середины 1937 года Вера Яковлевна с дочерью почти не виделась: пребывание Н.М. в Москве, не говоря об О.М., могло быть — и было — только нелегальным. Но война объединила мать и дочь вновь. Проскитавшись с дочерью по узбекско-казахским степям и пустыням, Вера Яковлевна за эвакуацию так изголодалась и ослабела, что впала в детство, говорила и думала только о еде. И уже после того, как самое трудное было позади и они вместе попали в Ташкент, где были и А. Ахматова, и Надин брат Женя с женой, она тихо умерла 17 сентября 1943 года. Вскоре после ее похорон Е.Я. Хазин с женой уехали в Москву: им, как и А. Ахматовой, пришел «вызов» от Союза писателей.

...Отрочество и юность Н.М. прошли в Киеве. Сначала Хазины поселились в доме № 10 по Большой Васильковской¹², затем жили в доме № 25 по Рейтарской¹³. А в 1911 году они переехали еще раз — в дом № 2 по Институтской улице, угловой по Крещатику, — прямо напротив городской думы¹⁴.

Надя была четвертым и последним ребенком в семье: двое старших были голубоглазыми, а двое младших — кареглазыми. Самой старшей была сестра Аня, родившаяся в 1888 году. Она жила в Петрограде, нищей приживалкой в квартире папिनго брата, и умерла от рака в июне 1938 года, в один год с О.М. и его отцом.

Это удивительно, но обоих Надиных братьев звали в точности так, как и двух мандельштамовских, — Шура и Женя! Свой бойцовский характер Надя закаляла в непрерывных битвах и драках с братьями, так и норовившими поиграть ею в футбол или посадить на шкаф. Братья были погодками, 1892 и 1893 гг. рождения, причем Шура родился в самый последний день «своего» года — 31 декабря¹⁵.

Уклонившись от петлюровской мобилизации, оба добровольно пошли в Белую армию. Старший, Александр, — кажется, самый любимый — выпускник Первой киевской гимназии и петербургского юрфака, бежал от большевиков на Дон

и предположительно погиб уже в 1920 году. Кто-то, по слухам, видел его в Константинополе, но когда бы и так — из эмиграции никаких признаков жизни он не подавал.

Средний, Женя, и родился и умер на шесть лет раньше Н.М. Как и Шура, был в Белой армии. Скрывая свое белогвардейское прошлое, с трепетом дожил в Москве до 80 лет. Страх разоблачения хотя и сделал его «самым сдержанным и молчаливым человеком на свете»¹⁶, но нисколько не мешал той реальной помощи, которую он всегда и без промедления оказывал своей Надьке и ее опальному мужу-поэту. Это у него, на Страстном, 6, всегда, если было нужно, она останавливалась, и это ему, Женьке, она всегда могла доверить любые — в том числе самые деликатные — поручения, связанные с Осиным архивом или Осиной книгой: так что вполне логично, что секретарем первой комиссии по мандельштамовскому наследию был именно он.

Обе братнины жены — и Сонька (Софья Касьяновна Вишневецкая), и Ленка (Елена Михайловна Фрадкина) — были подругами Н.М. из их безбашенного киевского «табунка», обе — театральные художницы из круга Экстер — Мурашко, к тому же часто и соавторши. Обе, вместе с Н.М. и Любой Козинцевой, женой Эренбурга, и еще другими, истоиво оформляли массовые революционные торжества в Киеве к Первомуаю 1919 года¹⁷.

Сонька приехала в Москву почти одновременно с Н.М. (в 1921 году) и устроилась в таировский Московский Камерный театр. В 1924 г. она ушла от Е.Я. Хазина к Николаю Адуеву, поэту-конструктивисту, в доме которого держала что-то вроде салона. Но вскоре колобок покотился дальше, и она стала женой Всеволода Вишневецкого, самого идейного и благополучного советского драматурга. В 1941 году она и сама вступила в партию, в 1951-м — за оформление спектакля Вишневецкого «Незабываемый 1919-й» — даже стала лауреатом Сталинской премии второй степени. К чести этой семьи, Вишневецкие регулярно посылали Мандельштаму в Воронеж деньги.

Ленка доучивалась уже в Москве во ВХУТЕМАСе — у Кончаловского и Лентулова. Как с «невесткой» у Н.М. были с ней непрекращающиеся проблемы¹⁸.

Младших брата и сестру, Женьку и Надьку, связывала нежная дружба, омраченная лишь однажды — перед смертью

матери. Когда оба состарились и у Н.М. завелись деньги, она охотно и много помогала Е.Я. Хазину с добыванием редких лекарств и даже с публикациями статей и книги¹⁹. В 1974 году его не стало.

...В детстве Надя много болела, и в 1905–1914 годах родители не раз вывозили ее лечиться в Европу — в Швейцарию, где она прожила два года, Германию, Францию, Италию, даже в Швецию. Благодаря этим поездкам и гувернанткам она овладела французским и немецким языками, а заодно и английским²⁰.

В Киеве она окончила Киевскую женскую гимназию Аделаиды Владимировны Жекулиной — лучшую в городе. Она находилась в доме 26 по Большой Подвальной²¹; позднее для жекулинских гимназии и высших курсов было выстроено специальное здание на Львовской, 27а²². Занятия шли по программе, разработанной для мужских гимназий, преподавали отличные педагоги — своих питомиц Жекулина приготавливала к взрослой самостоятельной жизни²³.

Сохранился листок с записью о поступлении Н. Хaziной в гимназию: пятерки по Закону Божьему, по русскому и немецкому языкам, четверка по математике. Успеваемость в старших классах была скромней: по одной только истории неизменные пятерки²⁴.

Гимназисткой она однажды видела царский проезд. Глядя на царевича и четырех царевен (средняя, Мария, была ее ровесницей), она вдруг осознала, что сама «гораздо счастливее этих несчастных девчонок: ведь я могу бегать с собаками по улице, дружить с мальчишками, не учить уроков, озорничать, поздно спать, читать всякую дрянь и драться — с братьями, со всеми, с кем захочу... С боннами у меня были очень простые отношения: мы чинно выходили из дому вместе, а затем разбегались в разные стороны — она на свиданье, а я к своим мальчишкам — с девочками я не дружила — с ними разве подерешься как следует! А эти бедные царевны во всем связаны: вежливы, ласковы, приветливы, внимательны... Даже подражаться нельзя... Бедные девочки!» («Девочки и мальчик»).

Между 8 ноября 1917 и 20 мая 1918 года и, несомненно, по настоянию отца Н.М. проучилась два неполных семестра

на юридическом факультете Киевского университета Святого Владимира²⁵. Подбить ее на дольше было уже нельзя, отцовы ремесло и хлеб ее решительно не прельщали.

В 1918–1919 годах она входила в круг (по ее выражению — «табунок») киевской богемно-артистической молодежи, по определению революционной и экстремально левой. Все же заметим, что «табунок» этот — в воспоминаниях Н.М. — этимологическое производное от «потравы»: леваки в искусстве делали примерно то же, что большевики в политике и общественном устройстве.

Членами «табунка» были А. Тышлер, Б. Лившиц, А. Дейч, М. Эпштейн и др. Сама Н.М. занималась живописью в студиях Александры Экстер и Александра Мурашко²⁶, но училась и у неоклассика М.Л. Бойчука²⁷, впрочем также из круга Экстер.

На протяжении всей жизни Н.М. обращалась на «ты» лишь к друзьям своей киевской молодости, к «жеребцам» и «кобылкам» из этого табунка, да еще к Эренбургу, тоже «киевлянину», но не коренному²⁸. Ко всем остальным своим взрослым знакомым и собеседникам (а их было превеликое множество за ее долгую жизнь, в том числе и куда более близкие, например Кузин) Н.М. обращалась исключительно на «вы», ибо «Вы» с большой буквы она категорически не писала.

Так же поначалу обращалась она и к Мандельштаму — своему «братуку» и «дружку», но все-таки не киевлянину...

Киев. Первой девятнадцатого. Встреча с Мандельштамом

Автор «Камня» приехал в Киев в середине апреля 1919 года — в несколько неожиданной для себя официозной роли наркомпросовского комиссара, или эмиссара. Он был откомандирован из Москвы, где работал в Отделе реформы высшей школы в Наркомпросе, для работы в Театральном отделе Киевского губнаробраза²⁹. Вместе со своим средним братом (Шурой) и другим откомандированным — Рюриком Ивневым — он остановился в гостинице «Континенталь», раз или два читал свои стихи на вечерах.